

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин

*Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан*

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА КЫЗЫЛТАУ КАК ОТРАЖЕНИЕ СРУБНОГО КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ РАННЕАЛАКУЛЬСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА*

В рамках данной статьи рассматриваются результаты работ на могильнике Кызылтау (Центральный Казахстан), где были исследованы четыре кургана с каменными ограждениями и две ограды без насыпей, содержавшие 21 погребение эпохи бронзы и безынвентарное захоронение более позднего времени. Получена представительная серия из 60 керамических сосудов раннеалакульского облика и коллекция металлических предметов, состоящая из серпа, наконечника стрелы, украшений, а также предмета в виде металлических скоб, фиксирующих деревянную деталь, и фрагмента деревянного сосуда с медной обкладкой. В курганах №6 и 13 выявлены костяки лошадей: два животных уложены конечностями друг к другу на перекрытии могилы и четыре – в ряд копытами к спине друг друга у торцовой стенки могилы. Такие захоронения, безусловно, маркируют высокостатусные погребальные комплексы, ярко подчеркивая их принадлежность к горизонту «колесничных культур». С позиции срубного влияния рассматриваются ориентировка большинства умерших и жертвенных лошадей в восточный сектор, а также некоторые довольно размытые черты в гончарной традиции. Для памятника получена радиоуглеродная дата, выполненная с применением ускорительной масс-спектрометрии, позволяющая датировать памятник в рамках 2-й трети XIX – XVIII в. до н.э., подтверждая его принадлежность к ранней фазе алакульской культуры Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, раннеалакульские древности, срубный компонент.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-09

Введение

Результаты археологических исследований во 2-м десятилетии XXI в. позволяют констатировать несостоятельность гипотезы формирования раннеалакульских** (нуртайских по А.А. Ткачеву) древностей Центрального Казахстана на местной основе [Ткачев, 1999], ранее подвергнутой обоснованной критике [Ткачев, 2007а; Виноградов, 2011, с. 142]. Их истоки скорее связаны с вызреванием в недрах синташтинского феномена новых культурных стереотипов, окончательное оформление которых стимулировано в том числе раннесрубным импульсом [Ткачев, 2007в, с. 346]. Дальнейшее распространение раннеалакульских популяций на восток привело к включению в единое культурное пространство Северного и Центрального Казахстана.

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантовых проектов КН МОН РК AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы» и AP05131861 «История населения степной зоны Казахстана эпохи бронзы – начала раннего железного века (по данным гончарной технологии)».

** Согласно концепции разрабатываемой авторами статьи в последние годы, алакульская культура Центрального Казахстана прошла две фазы развития: раннюю и классическую. Необходимо отметить, что ранняя фаза в свою очередь подразделяется на два этапа – петровский (ранний) и нуртайский (поздний), аналогичный одноименной культуре, выделенной А.А. Ткачевым [1999].

Тезис о центрально-казахстанских популяциях как «чистой» степной линии развития, в отличие от северо-казахстанских [Ткачев, 1999], надежно обосновать не представляется возможным, так как мощный доандроновский культурный пласт здесь просто отсутствует. Как отмечает В.Г. Ломан [2016, с. 69], «...Может показаться даже, что территория Центрального Казахстана, в отличие, скажем от Северного, была в эти периоды (*энеолит и ранняя бронза*. – *Прим. авт.*) никем не заселена». Фактически наши сведения об этом времени ограничиваются материалами одиночного погребения могильника Карагаш [Евдокимов, Ломан, 1989], стоянок Гренада [Ломан, 2016, с. 69], Жанбобек-4 [Волошин, Мазниченко, 1978] и Жанбобек-1 [Кукушкин и др., 2016, с. 38–39], а также серией случайных находок. Соответственно более развитый, передовой хозяйственно-культурный тип ранних алакульцев по отношению к автохтонному населению, материальная культура которого практически не известна, предполагает полный перенос культурных стереотипов из очага формирования [Ткачев, 2007в, с. 336] и включает вариант конвергентного развития на местной раннебронзовой основе.

Малочисленность и разнородность фактических данных, полученных за всю историю многолетних археологических исследований, позволяет утверждать об отсутствии серьезного этнокультурного фундамента в эпоху энеолита и ранней бронзы, на базе которого могли бы сформироваться яркие и многочисленные памятники раннеандроновского периода. В регионе они появляются внезапно в виде уже сложившегося культурного комплекса, имеющего свои характерные признаки и традиционные стандарты в обрядовой практике, эволюционное развитие которых тесно связано с дальнейшей социально-экономической динамикой общества, а также с определенным воздействием внешних факторов.

Таким образом, появление раннеалакульских комплексов в Центральном Казахстане на данный момент может быть объяснено только прямой миграцией с полным переносом культурных стереотипов, а данные могильника Кызылтау позволяют определить роль раннесрубных или осрубленных популяций в этом процессе.

Описание исследованных объектов

Могильник Кызылтау находится в Шетском районе Карагандинской области, в 95 км юго-восточнее г. Караганда, в 6,6 км юго-восточнее горы Кызылтау, на правобережье р. Талды и состоит из 17 визуально фиксируемых погребальных сооружений. В 2017 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. академика Е.А. Букетова раскопками были охвачены объекты №6, 10–14, представлявшие собой курганы и ограды без насыпей.

Сооружение №6 – курган диаметром 15 м, высотой до 0,5 м, на поверхности которого фиксировались выступающие края каменной ограды. После снятия насыпи обозначилась кольцевая ограда округлой в плане формы, диаметром 6 м, состоящая из плит, установленных на ребро (рис. 1). В процессе вскрышных работ отмечены отдельные фрагменты керамики (рис. 2.-4).

На подкурганной площадке выявлен жертвенник, находившийся под каменной плитой, состоящий из керамического сосуда (рис. 2.-1), поставленного вверх дном, черепа и конечностей лошади, а также зубов барана.

В центральной части внутриоградного пространства расчищена пара костяков лошадей, уложенных на боку копытами друг к другу и ориентированных на восток. Передние конечности животных переплетены, а головы направлены мордами друг

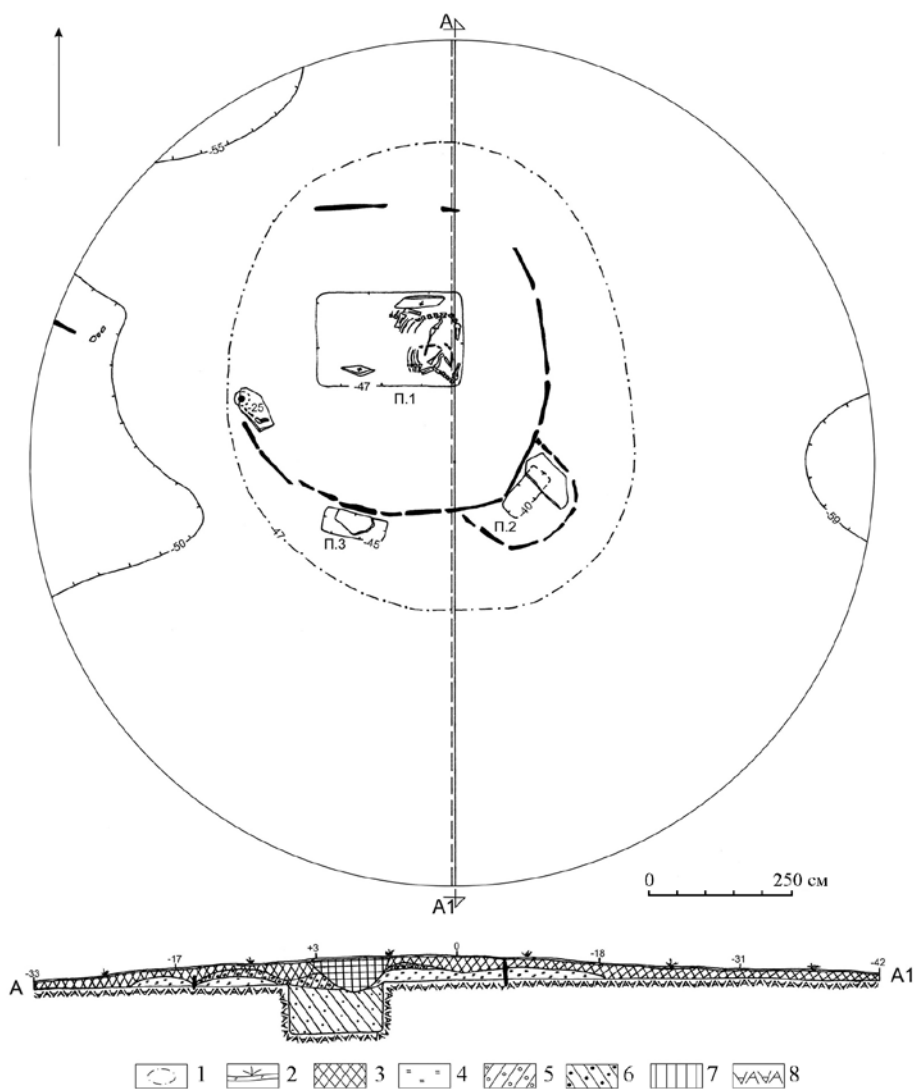

Рис. 1. Могильник Кызылтау. План и профиль кургана №6: 1 – границы илистой заливки; 2 – дерн; 3 – коричневый слой; 4 – илистая заливка; 5 – балластный песок; 6 – заполнение могилы; 7 – темно-бурый слой; 8 – материк

к другу. Ниже, под костяками, выявлены завалившиеся внутрь плиты перекрытия могилы, устроенной в грунтовой яме размерами 2,6×1,7×0,75 м, ориентированной в широтном направлении, в которой обнаружена одиночная пяточная кость взрослого человека, металлический наконечник стрелы и неорнаментированный фрагмент керамики.

Металлический наконечник стрелы – листовидной формы, двухлопастный, со скрытой втулкой и частично сохранившимся внутри древком. Длина изделия – 5,9 см, максимальное расширение достигает в нижней части 2,6 см. Ширина перьев – до 0,8 см, толщина – до 0,15 см. Диаметр втулки – 1,1 см. Верхняя, ударная часть наконечника слегка скруглена и уплощена (рис. 3.-1).

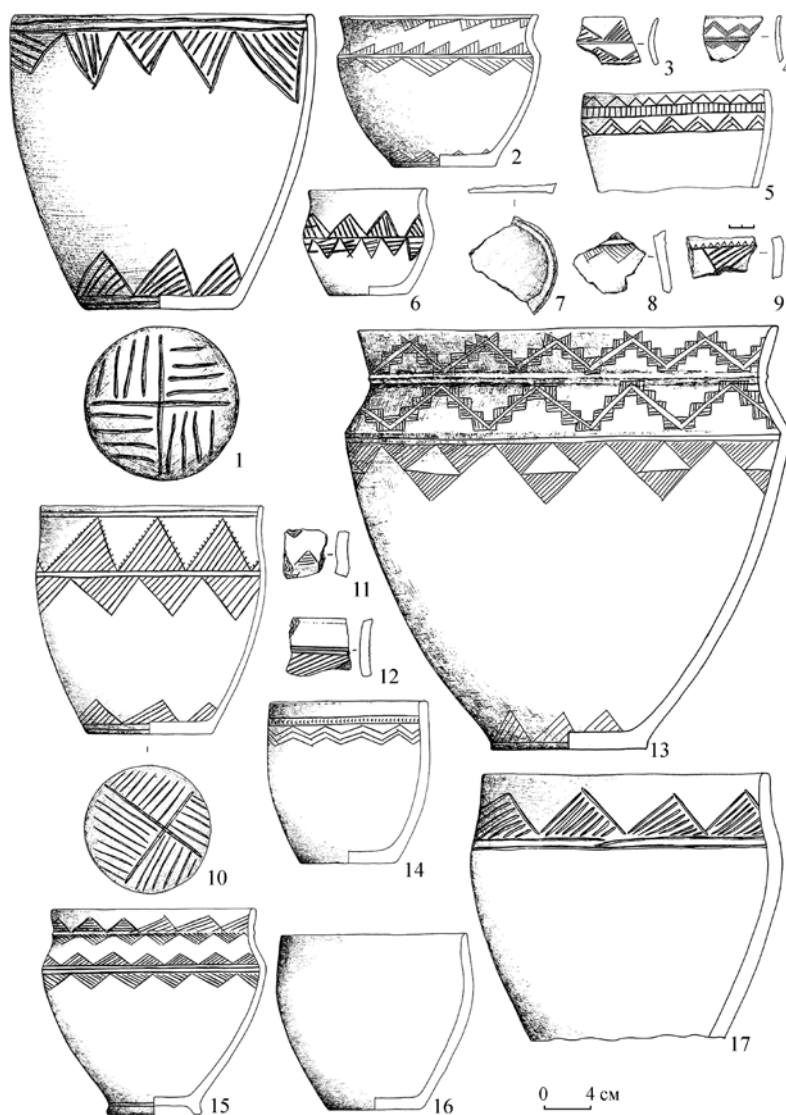

Рис. 2. Могильник Кызылтау. Керамический комплекс

С юго-восточной стороны к основной ограде примыкала небольшая пристройка размерами 1,8×1,25 м, вытянутая по линии ЮЗ–СВ, в которой устроена грунтовая могила размерами 0,8×0,3×0,45 м, с аналогичной ориентировкой. При выборке погребения найдены ребра человека, кости барана, обломок кости крупного животного, а также фрагменты керамики от одного сосуда (рис. 2.-3).

Погребение №3 находилось, за пределами основной ограды с южной стороны и представляло собой перекрытую плитой грунтовую яму размерами 1,1×0,45×0,45 м, ориентированную по линии ЗСЗ–ВЮВ. На дне расчищены сильно истлевшие кости ребенка, уложенного на левом боку и ориентированного на восток-юго-восток. В изголовье стоял керамический сосуд (рис. 2.-2).

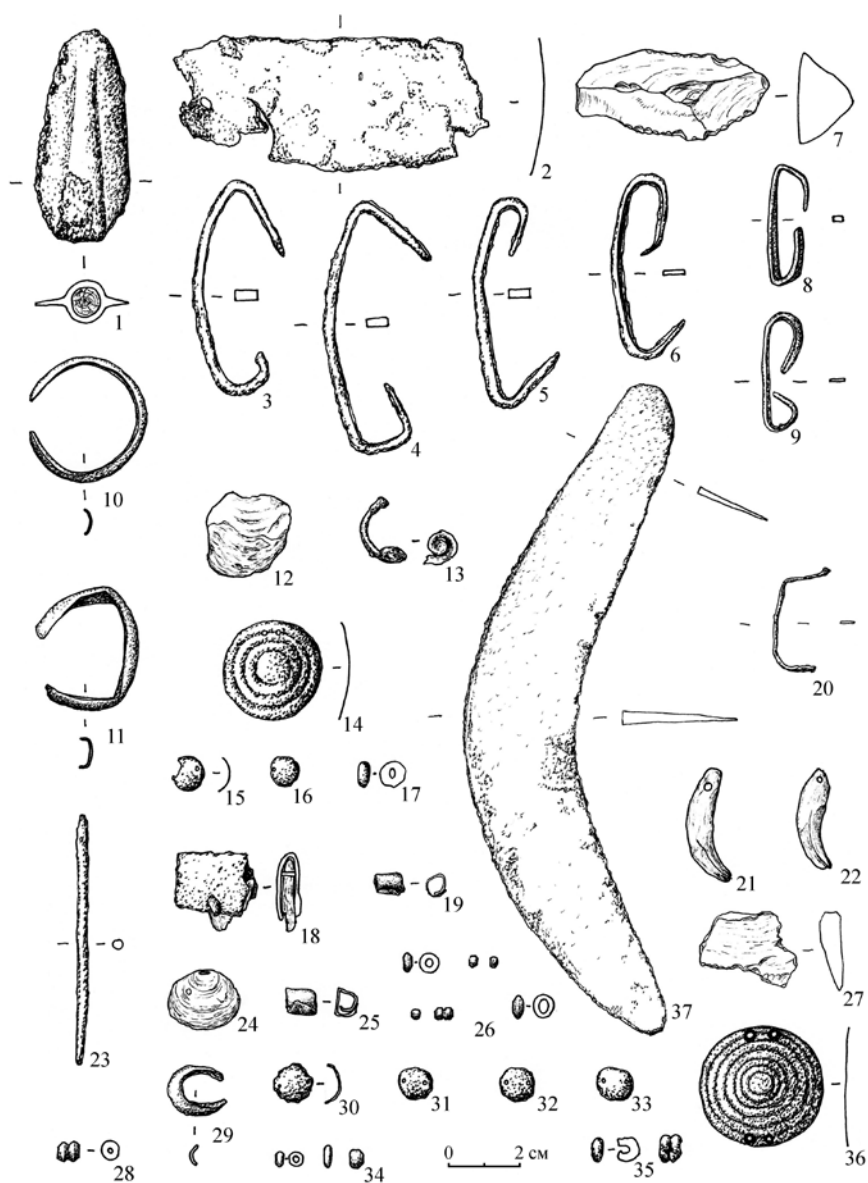

Рис. 3. Могильник Кызылтау. Вещевой инвентарь

Сооружение №10 представляло собой восьмеркообразный комплекс из двух оград (10а и 10б).

Ограда 10а – овальной в плане формы, размерами 4×3,5 м, ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Стенки состоят из мелких плиток, установленных на ребро. У юго-западной части ограждения расчищен жертвенник в виде черепа лошади с метаподиями, а также отдельных костей барана.

В центральной части выявлена грунтовая могила размерами 1,95×1,25×0,75 м, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ, при выборке которой обнаруже-

ны разрозненные человеческие кости, астрагал барана, звено металлической пронизи (рис. 3.-19) и фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 2.-6, 7, 9).

Ограда 106 – овальной в плане формы, размерами 4×3,25 м, ориентирована в широтном направлении. В центральной части выявлена грунтовая могила размерами 2,4×1,3×0,75 м, на дне ее расчищены *in situ* большие и малые берцовые кости со ступнями, судя по расположению которых погребенный был уложен на правом боку и ориентирован головой в западном направлении. В заполнении найдены фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 2.-5, 8).

Сооружение №11 – курган диаметром 12 м, высотой до 0,4 м (рис. 4). В северной части насыпи выявлено погребение №7, устроенное в грунтовой яме размерами 0,75×0,5×0,25 м, ориентированной длинной осью по линии З–В. В ней расчищены останки ребенка, уложенного в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Кости рук находились у лицевого отдела. Возле них расчищено скопление астрагалов, за которыми у юго-восточного угла могилы обнаружен керамический сосуд (рис. 5.-5).

При снятии насыпи найдены также две металлические скобы (рис. 3.-8, 9), каменный скребок на отщепе (рис. 3.-27), кость животного и многочисленные фрагменты керамики (рис. 2.-11, 12). На подкурганной площадке и во рву выявлено семь захоронений (№1-6, 8), а также жертвеник, состоящий из керамического сосуда (рис. 2.-10), трех черепов лошадей и метаподий барана и лошади.

Погребение №1 – грунтовая яма размерами 2,5×1,6×0,9 м, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В процессе выборки заполнения могилы обнаружены разрозненные человеческие кости и три сосуда (рис. 2.-13–15), два из которых фрагментированы. На глубине 0,7 м у западного угла расчищен обломок изделия, состоящий из металлической пластины (рис. 3.-2), трех скоб (рис. 3.-3–5) и двух кусков дерева. У северо-западной стенки на том же уровне найдена еще одна аналогичная скоба (рис. 3.-6).

Захоронение №2 совершено в каменном ящике размерами 2×1,35×0,8 м, ориентированном по линии ЮВ–СЗ, из которого происходят разрозненные человеческие кости и фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 2.-16, 17).

Захоронение №4 представлено практически полностью истлевшими костями ребенка и керамическим сосудом (рис. 5.-3). Установить размеры и ориентировку погребения, а также позу усопшего не удалось.

Погребение №5 – грунтовая яма размерами 0,75×0,4×0,25 м, ориентированная по линии З–В. На дне расчищен скелет ребенка, уложенный в скорченном положении на левом боку, головой на восток. На костях покойного в районе шейных позвонков найдены пастовые бусы (рис. 3.-26), ниже, на костях туловища, – две металлические пронизи (рис. 3.-25) и подвеска из раковины (рис. 3.-24). В изголовье поставлен керамический сосуд (рис. 5.-4).

Погребение №6 – грунтовая яма с остатками сруба, размерами 2,35×1,45×1 м, ориентированная по линии ЮВ–СЗ. Из заполнения могилы происходит пара металлических бусин (рис. 3.-17). У северного угла, на дне могилы, обнаружен серп, а у северо-восточной стенки расчищены *in situ* кости ступней человека, согласно расположению которых умерший был уложен на правом боку, головой на юго-восток.

Металлический серп – имеет дугообразную форму, утолщенный обух (до 0,35 см), несколько отогнутую от лезвия рукоять со скругленной пяткой. Наибольшей ширины

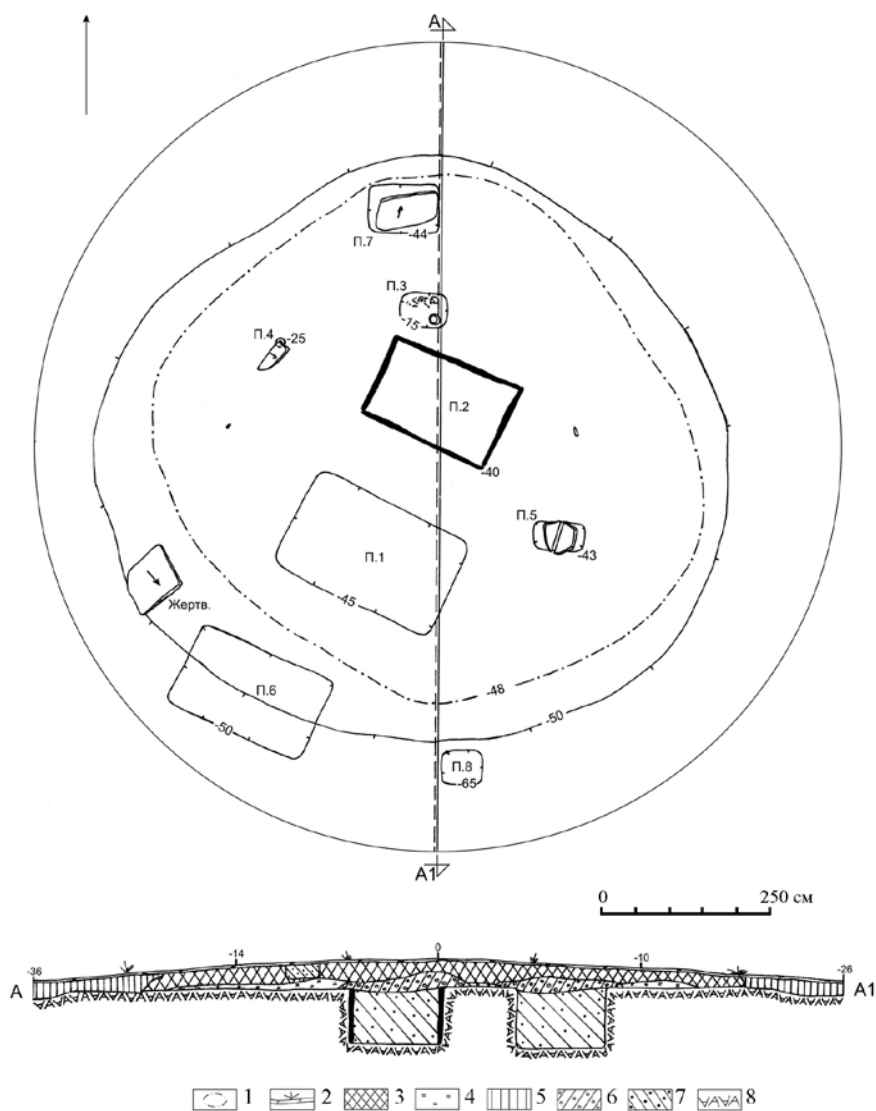

Рис. 4. Могильник Кызылтау. План и профиль кургана №11: 1 – границы илестой заливки; 2 – дерн; 3 – коричневый слой; 4 – илестая заливка; 5 – темно-бурый слой; 6 – балластовый слой; 7 – заполнение могилы; 8 – материк

орудие достигает в центральной части на месте изгиба (3,1 см). Общая длина изделия – 18,3 см (рис. 3.-37).

Погребение №7 выявлено под каменной плитой и представляет собой грунтовую яму размерами 1×0,75×0,4 м, ориентированную в широтном направлении. На дне расчищено нетронутое детское захоронение. Костяк был уложен на левом боку, в слабо скорченном положении, кости рук согнуты в локтях, а кисти уложены у лицевого отдела черепа, ориентированного на запад. В изголовье и перед лицом поставлено по керамическому сосуду (рис. 5.-1, 2).

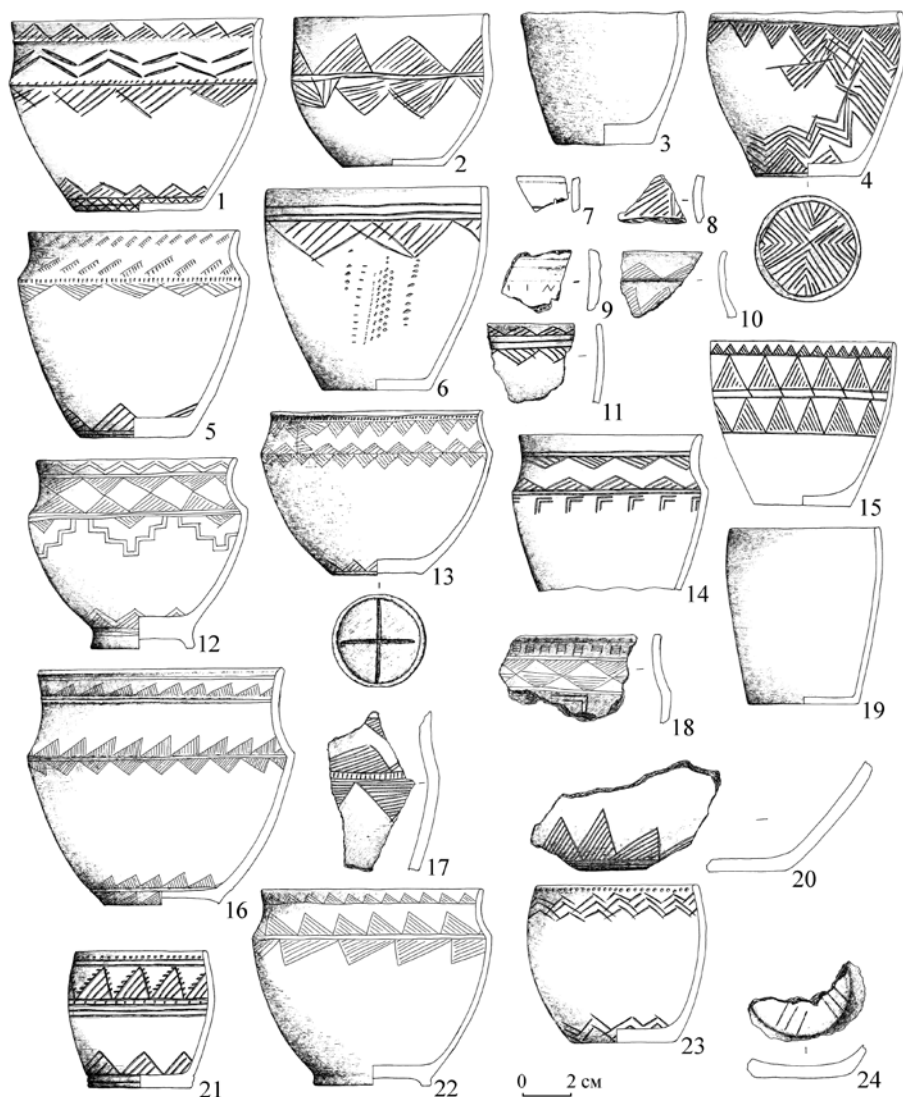

Рис. 5. Могильник Кызылтау. Керамический комплекс

Захоронение №8 устроено грунтовой яме, размерами 0,65×0,55×0,8 м, ориентированной по линии 3–В, в которой расчищен костяк ребенка, уложенный на левом боку, головой в западном направлении. На руках зафиксированы два металлических браслета (рис. 3.-10, 11), а в изголовье находился керамический сосуд и фрагмент керамики (рис. 5.-6, 7).

Сооружение №12 до раскопок представляло собой курган диаметром 12 м, высотой до 0,3 м (рис. 6). В процессе снятия насыпи, в которой обнаружены многочисленные, большей частью неорнаментированные фрагменты керамики (рис. 5.-8, 9), в центральной части сооружения зафиксирован жертвенник №3, состоящий из двух керамических сосудов (рис. 5.-12, 13) и костей животного.

В 1,75 м севернее выявлено впускное захоронение №5, совершенное в грунтовой яме размерами 0,6×0,4×0,3 м, ориентированной длинной осью в меридиональном направлении, в которой обнаружены фрагменты черепа и ребра ребенка. Вероятно, к этому погребению относятся найденные неподалеку (на глубине 0,13 м), фрагмент черепа человека и астрагал животного.

После снятия насыпи кургана на подкурганной площадке расчищена сильно разрушенная кольцевая ограда, состоящая из вертикально вкопанных плит, а также выявлены контуры четырех погребений (№1–4), два из которых сопровождалось небольшими жертвенниками (№1 и №2), состоящими из конечностей лошади и зубов барана.

Погребение №1 – грунтовая яма размерами 2×2×0,85 м, ориентированная по линии ЗСЗ–ВЮВ. На глубине 0,2 и 0,7 м от уровня материка с двух противоположных

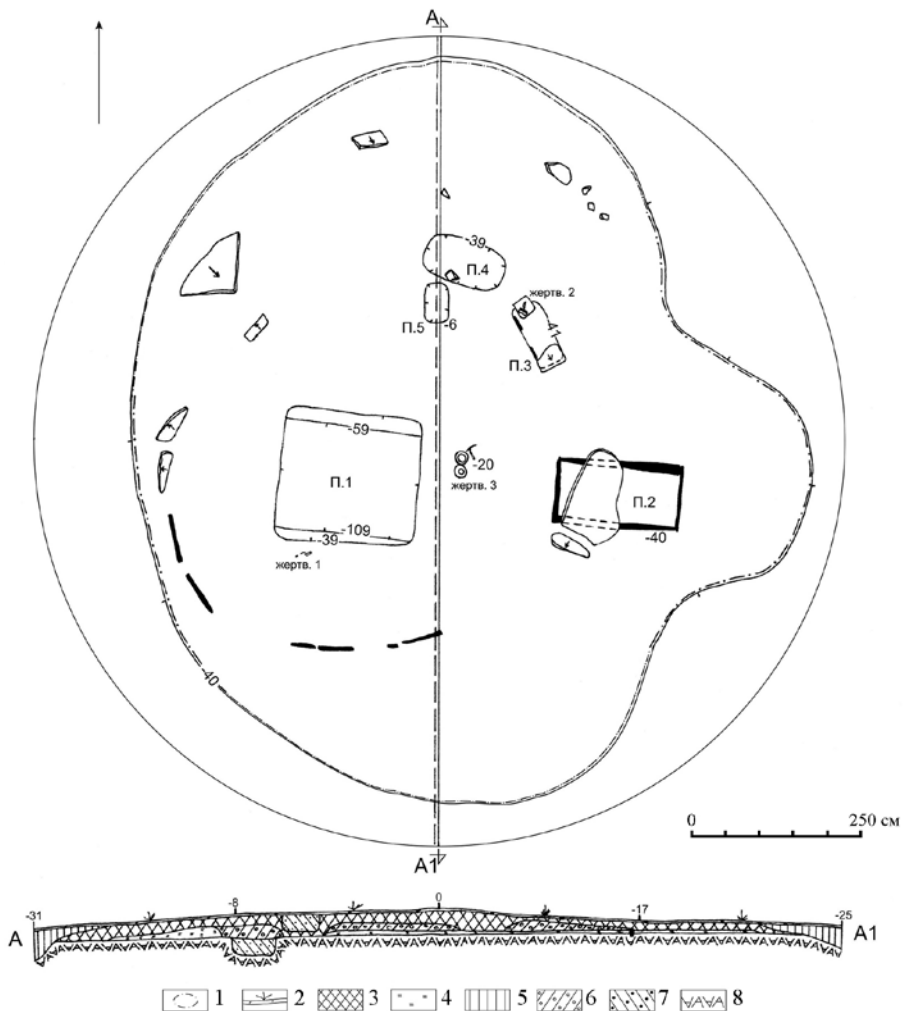

Рис. 6. Могильник Кызылтау. План и профиль кургана №12: 1 – границы илистой заливки; 2 – дерн; 3 – коричневый слой; 4 – илестая заливка; 5 – темно-бурый слой; 6 – балластовый слой; 7 – заполнение могилы; 8 – материк

сторон могилы зафиксированы ступеньки, одна из которых, вероятно, разрушена при проникновении грабителей и первоначально, представляется, находилась на отметке 0,2 м. При выборке заполнения могилы на разных глубинах обнаружены кости посткраниального скелета человека и фрагменты керамики от пяти сосудов (рис. 5.-10, 11, 14, 15, 19). На дне *in situ* расчищена часть грудины в сочленении, по которой можно утверждать, что умерший был уложен на левом боку и ориентирован в восточном направлении. Найдены также пять мелких металлических нашивок полусферической формы (рис. 3.-30–33), «соляная» бляшка (рис. 3.-14), украшенная рельефными концентрическими окружностями, и бусы, в том числе пастовые (рис. 3.-28).

Погребение №2 – каменный ящик размерами 2×1×0,8 м, ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ, в котором обнаружены разрозненные человеческие кости, фрагменты керамики от пяти сосудов (рис. 5.-16-18, 20, 21, 24), две подвески из клыков хищного животного (рис. 3.-21, 22) и металлическая скоба (рис. 3.-20), предназначенная для скрепления треснувших стенок сосуда.

Погребение №3 – грунтовая яма размерами 1,1×0,6×0,4 м, обложенная с трех сторон каменными плитками, ориентированная по линии ЮЮВ–ССЗ. На дне обнаружено нетронутое детское захоронение в скорченном положении на левом боку, головой на юго-юго-восток. Кости рук располагались у лицевого отдела. Стопы были покрыты выгнившей в труху органикой красноватого цвета. В изголовье поставлены два сосуда (рис. 5.-22, 23).

Погребение №4 представляло собой грунтовую яму размерами 1,2×0,7×0,65 м, ориентированную по линии ЮВ–СЗ. В заполнении фиксировались разрозненные человеческие кости.

Сооружение №13 – курган диаметром 15 м, высотой 0,6 м, в насыпи которого выступали края плит ограждения. После снятия слоя дерна в восточном секторе выявлен жертвенник в виде керамического сосуда (рис. 8.-1), а несколько севернее во внутреннем пространстве ограды расчищены костяки четырех лошадей, уложенных попарно на левом боку, черепами в восточном и северо-восточном направлении (рис. 7).

В западной половине насыпи обнаружены разрозненные фрагменты керамики от шести сосудов (рис. 8.-2–7), а также впускное безынвентарное захоронение позднего времени, совершенное в грунтовой яме размерами 0,4×0,3×0,3 м, в которую был поставлен детский череп, направленный лицевым отделом на юг, и сброшены мелкие человеческие кости.

После снятия насыпи на подкурганной площадке расчищена кольцевая ограда диаметром 10 м, состоящая из вертикально установленных плит, содержащая в центральной части две погребальные камеры.

Захоронение №1 устроено в грунтовой яме размерами 2,9×1,9×1,1 м, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, обложенной понизу частично сохранившейся деревянной конструкцией. В процессе выборки заполнения могилы фиксировались разрозненные человеческие кости (в восточной половине – фрагменты черепа, в западной – кости ног, предплюсневые и плюсневые кости, фаланги пальцев), фрагменты керамики от восьми сосудов (рис. 8.-8–16), каменный скребок (рис. 3.-7), подвеска из раковины (рис. 3.-12), металлические и пастовые бусы (рис. 3.-34, 35) и кольца с завитком (рис. 3.-13).

Захоронение №2 совершено в грунтовой яме размерами 2,4×1,8×1 м, обложенной понизу частично сохранившейся деревянной конструкцией на высоту до 0,4 м, ориенти-

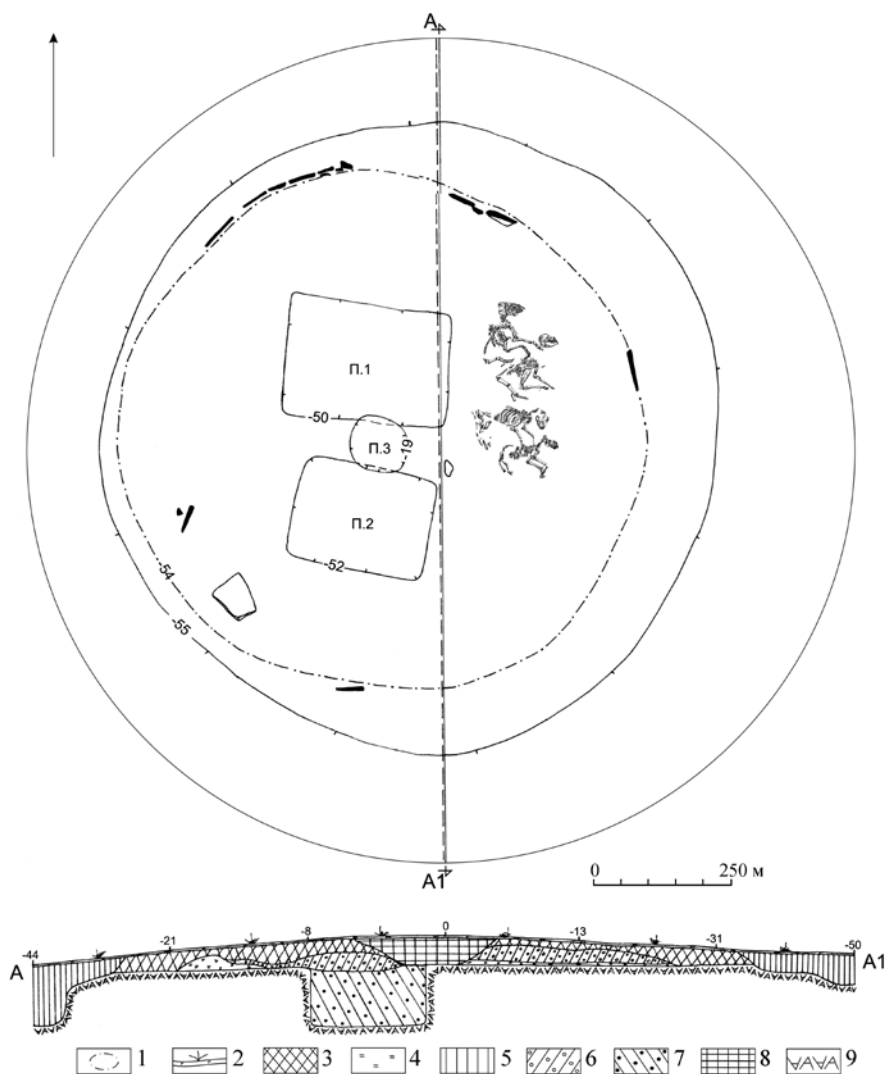

Рис. 7. Могильник Кызылтау. План и профиль кургана №13: 1 – границы илистой заливки; 2 – дерн; 3 – коричневый слой; 4 – илестая заливка; 5 – темно-бурый слой; 6 – балластовый слой; 7 – заполнение могилы; 8 – перемешанный слой; 9 – материк

рованной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. В заполнении могилы обнаружены фрагменты керамики от четырех сосудов (рис. 8.-17–20), происходящие исключительно из восточной и центральной части могилы, подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотым листом (рис. 3.-29), фрагменты трубчатого браслета из скрученного листа металла.

Ограда №14 имела округлую в плане форму, диаметром около 5 м, и состояла из вертикально вкопанных в материк небольших каменных плиток.

В центральной части сооружения зафиксирована грунтовая могила размерами 2×1,5×0,9 м, ориентированная по линии ЗЮЗ–ВСВ. В процессе выборки заполнения обнаружены разрозненные человеческие кости, фрагменты бронзового наконсика, метал-

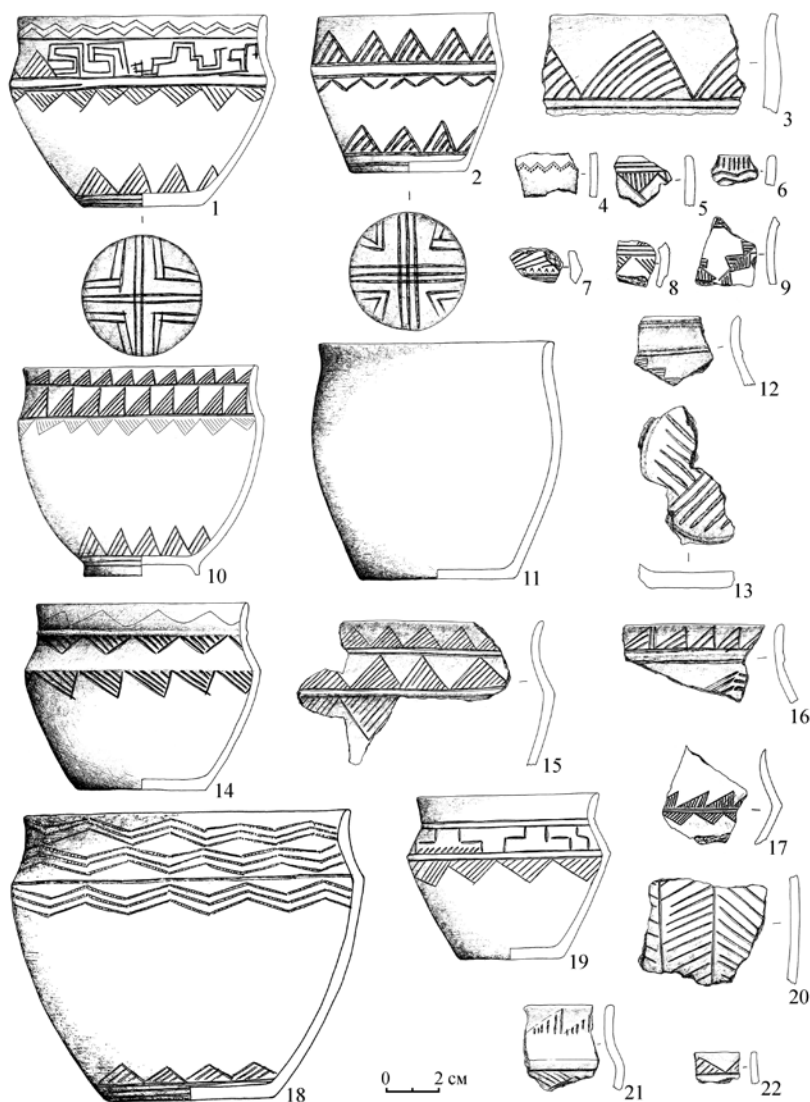

Рис. 8. Могильник Кызылтау. Керамический комплекс

лическая игла (рис. 3.-23), «соляная» нашивная бляшка с рельефным орнаментом в виде концентрических окружностей (рис. 3.-36), фрагмент деревянного сосуда с металлической обкладкой (рис. 3.-18), металлические бусина, две мелких полусферических бляшки (рис. 3.-15–16), а также фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 8.-21, 22).

Обсуждение полученных результатов

Планиграфически могильник Кызылтау состоит из двух групп сооружений вытянутых цепочками по линиям ЗСЗ–ВЮВ и ЮЗ–СВ, расположенными несколько обособленно. Исследования 2017 г. охватили сооружения в обеих частях некрополя, но не выявили между ними принципиальных различий в погребальной обрядности и предметном мире.

Все исследованные курганы представляли собой кольцевые ограды, иногда с пристройками, перекрытые земляными насыпями диаметрами 12–15 м, высотой до 0,6 м. Внутриоградное пространство после совершения захоронений заливалось илстой массой, приобретающей по мере высыхания свойства цемента. Дополнительно изучены две отдельные ограды без насыпей.

Исследованные сооружения содержали 22 погребения (11 взрослых и 10 детских) эпохи бронзы и безынвентарное захоронение более позднего времени. Большинство могил представляли собой грунтовые ямы (18), иногда обложенные деревянными конструкциями, гораздо реже отмечены каменные ящики (3). Ориентировка погребальных камер значительно варьируется и представлена в основном по трем направлениям: З–В – шесть случаев, ЮВ–СЗ – шесть, ЗСЗ–ВЮВ – пять. Единично отмечены ЮЗ–СВ и ЗЮЗ–ВСВ ориентировки. В установленных случаях (9), с одним исключением, все умершие были уложены на левый бок в скорченном положении и в основном ориентированы в восточном направлении (6) с возможными отклонениями к северу или югу, три погребения показали западные румбы. Восточная ориентировка также подчеркивается костяками лошадей, направленных черепами на восход солнца и располагавшихся в восточной части элитных курганов.

Преобладание ориентировки погребенных и лошадей в восточный сектор нетипично для «ранней» и «классической» фазы алакульской культуры региона [Ткачев, 2002, с. 186, 193] и сопредельных территорий [Виноградов, 2011, с. 102], но отмечено на территориально близком могильнике Табылды (Центральный Казахстан) [Кукушкин и др., 2019], а также на Алексеевском некрополе (Северный Казахстан) [Кузьмина, 2008, с. 135] и некоторых других памятниках.

Данное обстоятельство представляется возможным объяснить влиянием западных групп населения (территория Приуралья, Поволжья и Украины), где традиция восточной ориентировки имеет ранние корни [Кузьмина, 1992, с. 5–8; Литвиненко, 2011], а в нашем конкретном случае, вероятно, связана со срубным влиянием [Березанская и др., 1986, с. 56, 59; Памятники срубной культуры..., 1993; Берестнев, 2001, с. 85]. Так, к примеру, в западноалакульской культурной группе отмечен значительный удельный вес ориентировок погребенных в северном и северо-восточном направлениях, что, по мнению В.В. Ткачева [2007б, с. 433], несомненно, отражает воздействие раннесрубной традиции.

Более конкретно говорить о превалировании того или иного компонента в погребальной обрядности могильника Кызылтау вряд ли возможно, так как между срубным и раннеалакульским населением в этом аспекте отмечена большая близость (использование грунтовых ям, в том числе с деревянными конструкциями, скорченные захоронения, преимущественно на левом боку, наличие жертвенников, расположение сосудов в могилах) [Березанская и др., 1986, с. 56–58; Берестнев, 2001 с. 85–87], что исключает положительную результативность их сопоставительного анализа.

Полученный керамический комплекс представителен и в достаточной мере показателен, насчитывает порядка 60 сосудов, подавляющее большинство которых фрагментировано. Однако нужно отметить, что часть фрагментов без орнамента, обнаруженных при снятии насыпей, расчистки подкурганых площадок, достоверно идентифицировать с тем или иным сосудом оказалось затруднительно, в связи с чем они не отражены в статистике. Абсолютно преобладают в комплексе горшковидные

емкости (40 экз.), напротив, банки представлены гораздо реже (14 экз.), форма остальных фрагментов однозначно не определима. По формально-типологическим признакам коллекция неоднородна, в ней выделяются сосуды с выраженной ребристой и уступчатой профилировкой, причем следует обратить внимание на то, что первые численно преобладают в кургане №13, отмечены также в кургане 12 и могут указывать на их хронологический приоритет. Орнамент имел трехзональное расположение: по шейке, плечу, у дна сосудов – и представлен треугольниками, «пирамидками», меандром, горизонтальными зигзагами, в том числе с фестонами, выполненными преимущественно гладким штампом. Примечательно наличие на днищах восьми сосудов солярно-астральной символики.

В целом по результатам сравнительного анализа керамической коллекции могильника Кызылтау, представляется возможным условно разделить ее на две группы. Первая соответствует характеристикам, предъявляемым к раннеалакульскому типу [Зданович, 1983, с. 60–61]: сосуды имеют ребристую профилировку, в одном случае отмечен воротничок; геометрическую зональную орнаментацию виде различных комбинаций треугольников, зигзагов, ступенек, выполненных преимущественно гладким штампом.

Срубное влияние, отмеченное в ориентировке погребенных, в некоторой степени отражено во второй, осрубленной группе (рис. 2.-6, 16, 17; рис. 5.-1, 2, 4–6; рис. 8.-21) и заключается в наличии сосудов, покрытых «техническим» декором в виде расчесов [Халяпин, Порохова, 2000, с. 112], что является особым способом обработки поверхности сосуда, противопоставляемым алакульскому лощению [Матвеев, 1998, с. 261; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 91]. Следует подчеркнуть и довольно небрежное нанесение орнамента на поверхность некоторых сосудов. Думается, при безусловном доминировании в керамическом комплексе раннеалакульской гончарной традиции предполагать присутствие явно срубных экземпляров не приходится.

Отмечены определенные черты бабинской культуры, фиксирующиеся в кургане №13, где обнаружен крупный фрагмент боковины сосуда, покрытый «елочным» орнаментом, разделенным вертикальными отрезками (рис. 8.-20) [Литвиненко, 2011, рис. 3.-32, 39, 40 и т.д.]. Подобный рисунок был отмечен также на могильнике Талдинский-1 [Жауымбай и др., 2018, рис. 4.-1].

Интересна находка металлических скоб, фиксирующих деревянную деталь какого-то крупного предмета (рис. 3.-2–6). Причем, видимо, для более надежного скрепляющего эффекта между основанием скоб и деревом была использована прокладка в виде широкой и тонкой медной пластины. Сами скобы имеют довольно крупные размеры и необычную форму. Если с одного конца они согнуты внутрь П-образным способом, то с другого – имеют заостренные крюкообразные окончания, загнутые к основанию под острым углом. Характерно, что крюкообразные и П-образные концы скоб группируются только со своего края по обе стороны деревянного фрагмента, т.е. расположены системно. Таким образом, особая специфика скоб, по-разному охватывающих предмет с двух сторон, дает определенные представления о его конфигурации, о чем может свидетельствовать и довольно необычное сечение и сама форма предполагаемого изделия, визуально напоминающего современный деревянный плинтус. Не исключено, что подобным способом осуществлялось соединение двух концов, необходимых для создания некоего целого, изогнутого вкруговую деревянного изде-

лия (хомута?). Это как будто подтверждается полевыми наблюдениями, отмечающими горизонтальное расположение двух заходящих друг за друга деревянных фрагментов, скрепленных данной конструкцией.

Определенные аналогии просматриваются с материалами погребения 2 Синташтинского большого грунтового могильника (СМ), где было зафиксировано скопление из шести близких по форме и сопоставимых по размерам металлических скоб, обнаруженных рядом с костяками четырех упряжных лошадей, уложенных на перекрытии камеры. Исследователи предполагают, что скобы могли быть скрепляющими элементами деревянной конструкции колесного транспорта [Генинг и др., 1992, с. 116–119, рис. 46.-8]. Однако, поскольку скобы были найдены на уровне «лошадиного» горизонта и в непосредственной близости от костяков животных, возможно, скрепляемый ими предмет мог иметь непосредственное отношение не столько к самой колеснице, сколько к сфере управления животными или их обслуживанию. Видимо, это правомерно и в нашем случае.

Обнаруженный двухлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 3.-1) более характерен для нуртайского этапа алакульской культуры Центрального Казахстана, где они были зафиксированы в ряде погребальных комплексов. Наиболее представительные колчаные наборы отмечены в могильниках Шет-1 и Бозенген [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 89, рис. 59; Ткачев, 2002, с. 227, рис. 94.-1–5]. Как правило, наконечники имеют листовидную или ланцетовидную форму и характеризуются довольно крупными размерами по сравнению с последующим периодом, что позволило некоторым исследователям отнести их к категории дротиков [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 87]. Для их доставки к цели предполагается наличие усиленного лука, ставшего основным оружием в арсенале воинов-колесничих [Берсенев и др., 2010, с. 82–95]. На этот факт могут указывать и крупные наконечники стрел, изготовлявшиеся из кремнистых пород, а также из кости и рога, где последние более всего были распространены в ранних колесничных памятниках западного ареала.

Довольно показательную серию в памятниках бронзового века составляют серпы и серповидные орудия, относимые исследователями к категории земледельческих [Аванесова, 1991, с. 18] или к изделиям, предназначенным для заготовки кормов домашним животным [Епимахов, 2012]. Аналогии металлическому серпу из Кызылтау (рис. 3.-37) известны в петровских памятниках Северного Казахстана, в частности на поселении Боголюбово-I [Аванесова, 1991, рис. 19.-33] и могильнике Бектениз [Аванесова, 1991, рис. 19.-34], что подкрепляет датировку памятника раннеалакульским временем.

Так называемые «соляные бляшки» (рис. 3.-14, 36) довольно широко распространены в памятниках алакульской культуры и являются составной частью женского погребального костюма [Усманова, 2010]. Особенно часто фиксируются изделия округлой в плане формы, заполненные крестообразными фигурами, звездами или концентрическими окружностями с обязательной шаровидной выпуклостью в центральной части, которая может быть интерпретирована как «глаз всевидящего божества» в индоиранской традиции [Кукушкин, 2018].

В погребении ограда №14 среди прочего инвентаря обнаружен, видимо, фрагмент венчика деревянного сосуда, обложенный медным листом (рис. 3.-18). Такого рода находки не частое явление, однако известны, к примеру, в синташтинских [Григорьев, 2010, с. 43], а также афанасьевских древностях [Теплоухов, 1927, табл. II.-1а–1с].

На могильнике Кызылтау зафиксированы многочисленные жертвенники, состоящие из черепов и нижних конечностей животных, нередко дополненных керамическими сосудами. Назначение этих инсталляций, видимо, различно, но все они, как правило, расположены по периферии подкурганной площадки и не выходят за пределы кольцевого ограждения. Не исключено, что их устройство относится к ритуально-поминальному циклу, связанному с постпогребальными обрядами, хорошо известными в раннеалакульских тафокомплексах.

Особняком стоят жертвоприношения целых костяков парных лошадей, символизирующих колесничную запряжку, которые, безусловно, являются одним из основных элементов колесничного комплекса [Косинцев, 2010], не связанного с жертвенниками поминального характера. Данный обряд был выявлен в курганах №6, №13 (см. рис. 1, 7).

Так, в восточной половине кургана №13 были зафиксированы четыре лошади, уложенные в ряд на левом боку и ориентированные на восток. Причем они были размещены с торцевой части наиболее крупной центральной погребальной камеры на своеобразной земляной «подушке», которая была насыпана на уже «запечатанную» илистым грунтом подкурганную площадку. Животные группируются попарно, так как между «северной» и «южной» парами наблюдается своеобразный разрыв, возможно, имитирующий общее для всех дышло или же подразумевающий две отдельные колесницы. Возможно, погребальный обряд подчеркивал высокий статус умершего как владельца двух колесниц или предполагал размещение на подкурганном пространстве символической квадриги, известной по наскальным изображениям эпохи бронзы [Новожинов, 1994, рис. 75.-6.3.ЯУЗ] и довольно редким погребальным комплексам близкого плана Урало-Казахстанских степей [Генинг и др., 1992, рис. 45], а также историческим свидетельствам [Фрейденберг, 1936, с. 152; Фрезер, 2001, с. 218]. Довольно интересны в этом плане параллели в Илиаде, где описано заклание Ахиллесом четырех коней при кремации Патрокла [Гомер, 2008, 165–170 сл.].

В кургане №6 лошади были уложены на перекрытии могилы, роль которого играли каменные плиты. Животные расположены на левом и правом боку, копытами друг к другу и ориентированы головами на восток.

Расположение колесничных лошадей на перекрытии погребальной камеры копытами друг к другу или уложенных в длинный ряд копытами к спине более всего характерно для синташтинских памятников [Генинг и др., 1992, с. 116, рис. 45.-1; Зданович, Куприянова, 2010, с. 142, рис. 7]. Значительно реже этот обряд фиксируется в погребениях петровской (мог. Аксайман, курган №2) [Зданович, 1988, с. 78–81], срубной (мог. Сторожевка, курган №1) [Кочарженко, 1996, с. 53] и алакульской (мог. Алакуль, курган №13) [Сальников, 1952, с. 56] культуры и может рассматриваться в качестве продолжения или реинициации предшествующих традиций, как и размещение животных в самой могиле.

Данная практика у раннего срубно-алакульского населения сменяется новым хронологически обусловленным «трендом» – парные костяки упряжных лошадей обязательно выносятся за пределы погребальной камеры и укладываются на подкурганной площадке или грунтовой «подушке» тремя основными способами: на боку копытами или спинами друг к другу, реже копытами к спине. Однако по месту пространственного размещения лошадей и их ориентировке по сторонам света существуют значительные культурные и региональные различия, связанные с тремя основными ареалами распространения элементов колесничного комплекса, – это Среднее Поволжье, Южное Зауралье / Северный Казахстан и районы Центрального Казахстана.

Для ранних срубников Поволжья при общей ориентировке умерших на северо-восток, север, восток характерно размещение парных лошадей с южной стороны могильной камеры [Черленок, 2000, с. 348], при котором погребенных можно образно назвать «стоящими на колесницах». С югом, юго-юго-западом, юго-востоком, востоком связана и ориентировка лошадей. Иногда для животных сооружались специальные ямы. Любопытно, что захоронения лошадей, совершенные аналогичным способом, зафиксированы на могильнике Хрипуновский в Тюменском Притоболье [Матвеев, 1998, с. 154, рис. 56.-1].

Специфической чертой зауральских и северо-казахстанских раннеалакульских погребальных комплексов является разделение парных лошадей могильной ямой, где каждая из них укладывалась вдоль своего длинного края погребальной камеры. Хотя известны и случаи парного размещения с одной стороны. Как правило, животные всегда ориентированы только в западном направлении с возможными отклонениями к северу или югу, как и основные высокостатусные погребения.

В раннеалакульских памятниках Центрального Казахстана парные лошади в большинстве случаев размещены с западной «головной» части погребальной камеры, которая обычно представлена каменным ящиком. Причем лошади всегда вынесены за пределы могилы-колесницы и, как правило, уложены на земляную «подушку» копытами или спинами друг к другу. Менее распространено расположение животных по бокам длинных сторон погребения. До недавнего времени ориентировка лошадей была связана исключительно с западными румбами, соответствующими господствующей ориентировке умерших.

Заключение

Любой смешанный археологический памятник всегда является довольно сложным для понимания культурно-историческим объектом, имеющим сравнительно ограниченное поле для интерпретационных возможностей, касающихся в первую очередь выявления механизмов взаимоинтеграционных процессов. Не является исключением и могильник Кызылтау, где впервые были отмечены достоверные признаки раннесрубного влияния на раннеалакульское население Центрального Казахстана.

На наш взгляд, на могильнике Кызылтау отмечены явные маркеры раннесрубного влияния, которые документируются ориентировкой погребенных и жертвенных лошадей в восточном направлении, а также некоторыми довольно размытыми чертами в гончарной традиции. Видимо, можно говорить о раннем проникновении каких-то срубных групп населения, поддерживающих колесничную обрядность, в алакульскую среду на территории сложения стереотипов культурного комплекса (Южное Зауралье и Западный Казахстан). Дальнейшее продвижение осрубленных популяций на восток, вплоть до Центрального Казахстана, подтверждается и другими погребальными комплексами Талдинского археологического микрорайона. Например, при исследовании могильника Табылды было выявлено парное захоронение восточно-ориентированных колесничных лошадей, снабженных к тому же щитковыми псалями, изготовленными по лекалам ярко выраженной доно-волжской косторезной традиции [Кукушкин и др., 2019].

Раннеалакульская хронологическая позиция материалов могильника Кызылтау подкрепляется радиоуглеродным датированием. Для погребения 1 кургана №12 по кости человека была получена AMS-дата (3459(30) BP: 1σ – 1873-1697 cal BC, 2σ – 1880-1692 cal BC), выполненная в лаборатории «IFIN-НН» (Бухарест, Румыния), позволяющая датировать совершение захоронения в рамках второй трети XIX – XVIII в. до н.э.

(калибровка выполнена в программе CalibRev 7.0.4 (intCal13) [Reimer et al., 2013]), что согласуются с новой датой могильника Сатан [Кукушкин и др., 2019], а также данными сопредельных регионов [Молодин и др., 2014, с. 142; Краузе и др., 2019, с. 61]. Синхронность обоих могильников подтверждается близкой погребальной обрядностью, соответствующей ранней фазе алакульской культуры Центрального Казахстана.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент : ФАН, 1991. 202 с.
- Березанская С.С., Оторощенко В.В., Чердниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев : Наукова думка, 1986. 164 с.
- Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков : Амет, 2001. 264 с.
- Берсенева А.Г., Епимахов А.В., Зданович Д.Г. Синташтинский лук: археологические материалы и варианты реконструкции // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 82–95.
- Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск : Абрис, 2011. 178 с.
- Волошин В.С., Мазниченко А.П. Работы в Целиноградской области // Археологические открытия – 1977. М., 1978. С. 511–512.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. СПб. : Наука, 2008. 572 с.
- Григорьев С.А. Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и ее хронология // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 2. С. 32–48.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда : Изд-во КарГУ, 1989. С. 34–46.
- Епимахов А.В. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Российский археологический ежегодник. 2012. №2. С. 253–259.
- Жауымбай С.У., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С. Новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана (по материалам кургана 7 могильника Талдинский-1) // Археология Казахстана. 2018. №1–2. С. 224–234.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
- Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1983. С. 48–68.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Лошади и Близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 130–161.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.
- Косинцев П.А. «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие Евразии. Екатеринбург ; Самара ; Донецк : Рифей, 2010. С. 21–79.
- Кочарженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов : Орион, 1996. Вып. 1. С. 53–56.
- Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. №1. С. 54–63.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе : ПринтА, 2008. 358 с.

- Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара : Изд-во Сам. ГПИ, 1992. 128 с.
- Кукушкин И.А. О семантике андроновского орнамента // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 251. С. 111–125.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Макен А.Б. Элитные курганы могильника Табылды (эпоха бронзы) // Маргулановские чтения – 2019. Нур-Султан, 2019. С. 120–131.
- Кукушкин И.А., Шашенов Д.Т., Кукушкин А.И., Елибаев Т.А., Дмитриев Е.А. Археологическая карта Нурина района Карагандинской области. Караганда : Полиграфист, 2016. 141 с.
- Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 108–123.
- Ломан В.Г. Результаты технико-технологического анализа керамики стоянки Гренада (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016. №3 (16). С. 69–72.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск : Наука, 1998. 417 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2014. Т. 13: Археология и этнография. Вып. 3. С. 136–167.
- Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы : Аргументы и Факты Казахстан, 1994. 297 с.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. Свод археологических источников. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1993. Т. 1. Вып. В1–10. 199 с.
- Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. М. : АН СССР, 1952. Т. 1. №24. С. 51–71.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский могильник в андроновском контексте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии России. Т. III. Вып. 2. С. 57–112.
- Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 22–29.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.
- Ткачев В.В. К вопросу о памятниках нуртайского типа Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения. Актобе : ПринтА, 2007а. С. 41–44.
- Ткачев В.В. Процессы культурогенеза на западной периферии алакульского ареала // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2007б. №17. С. 429–442.
- Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : АОЦИЭА, 2007в. 384 с.
- Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. Караганда : ГАиС, 2010. 176 с.
- Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. Т. 1. 528 с.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. 448 с.
- Халяпин М.В., Порохова О.И. Погребальные комплексы эпохи бронзы у с. Красноселки в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : ООО «Оренбургская губерния», 2000. Вып. 4. С. 109–126.
- Черленок Е.А. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана // Stratum Plus. 2000. №2. С. 346–349.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk-Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haffidason H., Hajdas I., Hattie C., Heaton T.J., Hoffman D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, No 4. P. 1869–1887.

References

- Avanesova N.A. Kul'tura pastusheskikh plemen jepohi bronzы aziatskoj chasti SSSR [Culture of Shepherd Tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR]. Tashkent : FAN, 1991. 202 p.
- Berezanskaja S.S., Otoroshhenko V.V., Cherednichenko N.N., Sharafutdinova I.N. Kul'tury jepohi bronzы na territorii Ukrainy [Eastern Ukrainian Forest-Steppe in the Period of the Middle and Late Bronze Age (2nd millennium BC)]. Kiev : Naukova dumka, 1986. 164 p.
- Berestnev S.I. Vostochnoukrainskaja lesostep' v jepohu srednej i pozdnej bronzы (II tys. do n. je.) [East Ukrainian Forest-Steppe in the Middle Bronze Period]. Har'kov : Amet, 2001. 264 s.
- Bersenev A.G., Epimahov A.V., Zdanovich D.G. Sintashtinskij luk: arheologicheskie materialy i varianty rekonstrukcii [Sintashta Bow: Archaeological Materials and Reconstruction Options]. Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Juzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: the Ancient Heritage of the Southern Urals]. Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. un-ta, 2010. Ch. 1. Pp. 82–95.
- Vinogradov N.B. Stepi Juzhnogo Urala i Kazahstana v pervye veka II tys. do n. je. (pamjatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) [The Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the First Centuries of the 2nd Millennium BC (monuments of Sintashta and Petrovsky type)]. Cheljabinsk : Abris, 2011. 178 p.
- Voloshin V.S., Maznichenko A.P. Raboty v Celinogradskoj oblasti [Work in the Tselinograd Region]. Arheologicheskie otkrytija – 1977 [Archaeological Discoveries –1977]. Moskva, 1978. Pp. 511–512.
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: arheologicheskie pamjatniki arijskikh plemen Uralo-Kazahstanskih stepej [Sintashta: Archaeological Sites of the Aryan Tribes of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Cheljabinsk : Juzhno-Ural. kn. izd-vo, 1992. 408 p.
- Gomer. Iliada. / per. N.I. Gnedicha [Iliad / transl. N.I. Gnedich]. SPb. : Nauka, 2008. 572 p.
- Grigor'ev S.A. Blizhnevostochnye komponenty v formirovanii sintashtinskoj kul'tury i ee hronologija [Middle Eastern Components in the Formation of the Sintashta Culture and its Chronology]. Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Juzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: the Ancient Heritage of the Southern Urals]. Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. un-ta, 2010. Ch. 2. Pp. 32–48.
- Evdokimov V.V., Loman V.G. Raskopki jamnogo kurgana v Karagandinskoj oblasti [Excavations of the Pit Burial Mound in the Karaganda Region]. Voprosy arheologii Central'nogo i Severnogo Kazahstana [Questions of Archaeology of Central and Northern Kazakhstan]. Karaganda: Izd-vo KarGU, 1989. Pp. 34–46.
- Epimahov A.V. O serpah, kolodcah i zemledelii bronzovogo veka [The Sickles, Wells and Agriculture of the Bronze Age]. Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]. 2012. №2. Pp. 253–259.
- Zhauymbaj S.U., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A., Shohataev O.S. Novye svedenija o rannej istorii andronovskih plemen Central'nogo Kazahstana (po materialam kurgana 7 mogil'nika Taldinskij-1) [New Information about the Early History of the Andronovo Tribes of Central Kazakhstan (based on Materials from the Mound 7 of Taldinsky-1 Burial Ground)]. Arheologija Kazahstana [Archaeology of Kazakhstan]. 2018. № 1–2. Pp. 224–234.
- Zdanovich G.B. Bronzovyj vek Uralo-Kazahstanskih stepej (osnovy periodizacii) [Bronze Age of the Ural-Kazakhstan Steppes (the foundations of periodization)]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 184 p.
- Zdanovich G.B. Osnovnye harakteristiki petrovskih kompleksov Uralo-Kazahstanskih stepej (k voprosu o vydelenii petrovskoj kul'tury) [The Main Characteristics of the Petrovsky Complexes of the Ural-Kazakhstan Steppes (on the issue of singling out Peter's culture)]. Bronzovyj vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ja [Bronze Age of the Steppe Belt of the Ural-Irtysh Interfluve]. Cheljabinsk : Izd-vo Bashkirskogo gos. un-ta, 1983. Pp. 48–68.
- Zdanovich D.G., Kuprijanova E.V. Loshadi i Bliznecy: k «arheologii rituala» Central'noj Evrazii jepohi bronzы [Horses and Twins: to the “Archaeology of the Ritual” of Central Eurasia in the Bronze Age]. Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Juzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: the Ancient Heritage of the Southern Urals]. Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. un-ta, 2010. Part 1. Pp. 130–161.
- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh. Kul'tura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoj Betpak-Daly) [Culture of Ancient Cattle-Breeders and Metallurgists of Sary-Arka (based on materials of the Northern Betpak-Dala)]. Alma-Ata : Gylym, 1992. 247 p.
- Kosincev P.A. «Kolesnichnye» loshadi [“Chariots” horses]. Koni, kolesnicy i kolesnichie Evrazii [Horses, Chariots and Chariots Making of Eurasia]. Ekaterinburg ; Samara ; Doneck : Rifej, 2010. Pp. 21–79.

Kocharzenko O.V. Kurgany jepohi pozdnej bronzy u pos. Storozhevka [Mounds of the Late Bronze Age near the Village of Storozhevka]. Ohrana i issledovanie pamjatnikov arheologii Saratovskoj oblasti v 1995 godu [Protection and Study of Archaeological Sites of the Saratov Region in 1995]. Saratov : Orion, 1996. Issue 1. Pp. 53–56.

Krauze R., Epimahov A.V., Kuprijanova E.V., Novikov I.K., Stoljarchik Je. Petrovskie pamjatniki bronzovogo veka: problemy taksonomii i hronologii [Petrovsky monuments of the Bronze Age: Problems of Taxonomy and Chronology]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2019. Vol. 47. №1. Pp. 54–63.

Kuz'mina E.E. Klassifikacija i periodizacija pamjatnikov andronovskoj kul'turnoj obshhnosti [Classification and Periodization of the Sites of the Andronovo Cultural Community]. Aktobe : PrintA, 2008. 358 p.

Kuz'mina O.V. Abashevskaja kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e [Abashevskaya Culture in the Forest-Steppe Volga-Ural]. Samara : Izd-vo Sam. GPI, 1992. 128 p.

Kukushkin I.A. O semantike andronovskogo ornamenta [The Semantics of the Andronovo Ornament]. Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Short Messages by the Institute of Archaeology]. 2018. Issue 251. Pp. 111–125.

Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., Maken A.B. Jelitnye kurgany mogil'nika Tabyldy (jepoha bronzy) [Elite Mounds of the Tabyldy Burial Ground (Bronze Age)]. Margulanovskie chtenija – 2019 [Margulan Readings – 2019]. Nur-Sultan, 2019. Pp. 120–131.

Kukushkin I.A., Shashenov D.T., Kukushkin A.I., Elibaev T.A., Dmitriev E.A. Arheologičeskaja karta Nurinskogo rajona Karagandinskoj oblasti [Archaeological Map of Nura District of the Karaganda Region]. Karagandy : Poligrafist, 2016. 141 p.

Litvinenko R.A. Kul'turnyj krug Babino: nazvanie, taksonomija i struktura [Babino Cultural Circle: Name, Taxonomy and Structure]. Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. [Short Reports by the Institute of Archaeology]. 2011. Issue 225. Pp. 108–123.

Loman V.G. Rezul'taty tehniko-tehnologičeskogo analiza keramiki stojanki Grenada (Central'nyj Kazahstan) [The Results of Technical and Technological Analysis of Ceramics from the Grenada Site (Central Kazakhstan)]. Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Herald]. 2016. № 3(16). Pp. 69–72.

Matveev A.V. Pervye andronovcy v lesah Zaural'ja [The First Andronovs in the Forests of Zauralie]. Novosibirsk : Nauka. Sib. predprijatie RAN, 1998. 417 p.

Molodin V.I., Epimahov A.V., Marchenko Zh.V. Radiouglerodnaja hronologija kul'tur jepohi bronzy Urala i juga Zapadnoj Sibiri: principy i podhody, dostizhenija i problemy [Radiocarbon Chronology of the Cultures of the Bronze Age of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and Approaches, Achievements and Problems]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Istorija, filologija. 2014. T. 13: Arheologija i jetnografija. Vyp. 3 [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2014. Vol. 13: Archaeology and Ethnography. Issue 3]. Pp. 136–167.

Novozhenov V.A. Naskal'nye izobrazhenija povozok Srednej i Central'noj Azii (k probleme migracii naselenija stepnoj Evrazii v jepohu jeneolita i bronzy) [Rock Carvings of Carriages of Central and Central Asia (to the problem of migration of the population of the steppe Eurasia in the Eneolithic and Bronze Age)]. Almaty : Argumenty i Fakty Kazahstan, 1994. 297 p.

Pamjatniki srubnoj kul'tury. Volgo-Ural'skoe mezhdureč'e [The Sites of Log Culture. The Volga-Ural Interfluve]. Arheologija Rossii. Svod arheologičeskikh istočnikov [Archaeology of Russia. The Collection of Archaeological Sources]. Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1993. Vol. 1. Issue V1–10. 199 p.

Sal'nikov K.V. Kurgany na ozere Alakul' [Barrows on the Lake Alakul]. Materialy i issledovanija po arheologii Sibiri [Materials and Studies on the Archaeology of Siberia]. M. : AN SSSR, 1952. Vol. 1. №24. Pp. 51–71.

Stefanov V.I., Koročkova O.N. Urefty I: zaural'skij mogil'nik v andronovskom kontekste [Urefty I: Trans-Ural Burial Ground in the Andronovo Context]. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 160 p.

Teplouhov S.A. Drevnie pogrebenija v Minusinskom krae [Ancient Burials in the Minusinsky Krai]. Materialy po jetnografii Rossii. T. III. Vyp. 2 [Materials on Russian Ethnography. Vol. III. Issue 2]. Pp. 57–112.

Tkachev A.A. Osobennosti nurtajskih kompleksov Central'nogo Kazahstana [Features of the Nurtai Complexes of Central Kazakhstan]. Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii. 1999. Vyp. 2 [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography. 1999. Issue 2]. Pp. 22–29.

Tkachev A.A. Central'nyj Kazahstan v jepohu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Tjumen' : TjumGNGU, 2002. Part 2. 243 p.

Tkachev V.V. K voprosu o pamjatnikah nurtajskogo tipa Central'nogo Kazahstana [On the Issue of the Nurtai Type Monuments of Central Kazakhstan]. Kadyrbaevskie chtenija [Kadyrbaev Readings]. Aktobe : PrintA, 2007a. Pp. 41–44.

Tkachev V.V. Processy kul'turogeneza na zapadnoj periferii alakul'skogo areala [The Processes of Cultural Genesis on the Western Periphery of the Alakul Area]. Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology, Culture]. 2007b. №17. Pp. 429–442.

Tkachev V.V. Stepi Juzhnogo Priural'ja i Zapadnogo Kazahstana na rubezhe jepoh srednej i pozdnej bronzy [The Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Turn of the Middle and Late Bronze Eras]. Aktobe : AOIJeA, 2007v. 384 p.

Usmanova Je.R. Kostjum zhenshhiny jepohi bronzy Kazahstana. Opyt rekonstrukcii [The Costume of Women of the Bronze Age of Kazakhstan. Reconstruction Experience]. Karaganda : TAI S, 2010. 176 p.

Frezer D.D. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii [Golden Branch: Exploring Magic and Religion]. M. : TERRA – Knizhnyj klub, 2001. Vol. 1. 528 p.

Frejdenberg O.M. Poetika syuzheta i zhanra [The Poetics of the Plot and Genre]. L., 1936. 448 p.

Halyapin M.V., Porohova O.I. Pogrebal'nye komplekсы epohi bronzy u s. Krasnoselki v Samarskom Povolzh'e [The Funerary Complexes of the Bronze Age in the Krasnoselki Village in the Samara Volga Region]. Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological Sites of the Orenburg Region]. Orenburg : Orenburgskaya guberniya, 2000. Vyp. 4. S. 109–126.

CHerlenok E.A. Pogrebeniya kolesnichih loshadej v pozdnem bronzovom veke na territorii Vostochnoj Evropy i Kazahstana [Burials of the Chariot Horses in the Late Bronze Age in the Territory of Eastern Europe and Kazakhstan]. Stratum Plus. 2000. №2. Pp. 346–349.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk-Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haffidason H., Hajdas I., Hattie C., Heaton T.J., Hoffman D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Van der Plicht, J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years Cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, No 4. P. 1869–1887.

I.A. Kukushkin, E.A. Dmitriev, A.I. Kukushkin

Saryarka Archaeological Institute of the Buketov KarSU, Karaganda, Kazakhstan

THE MATERIALS OF THE KYZYLTAU BURIAL GROUND AS THE REFLECTION OF THE SRUBNAYA CULTURE COMPONENT IN THE FORMATION OF EARLY ALAKUL ANTIQUITIES OF CENTRAL KAZAKHSTAN

This article discusses the results of work at the Kyzyltau burial ground (Central Kazakhstan), where 4 barrows with stone fences and 2 fences without mounds containing 21 burials of the Bronze Age and 1 non-inventory burial of a later time were investigated. A representative series of 60 ceramic vessels of Early Alakul image and a collection of metal objects consisting of a sickle, arrowhead, jewelry, and an object in the form of metal brackets fixing a wooden part and a fragment of a wooden vessel with a copper covering were obtained. In barrows no. 6 and 13, the bones of horses were revealed: two animals were laid with limbs to each other on the overlap of the grave and four in a row with their hooves to each other's back at the end wall of the grave. Such burials, of course, mark high-status funerary complexes, clearly emphasizing their belonging to the horizon of "chariot cultures". The position of most of the dead and sacrificial horses in the eastern sector and some rather vague features in the pottery tradition, are considered from the position of Srubnaya culture influence. For the site, a radiocarbon date was obtained, made using accelerator mass spectrometry, which allows the site to be dated within the second third of the 19th – 18th centuries BC, confirming its belonging to the early phase of the Alakul culture of Central Kazakhstan.

Key words: Central Kazakhstan, Bronze Age, Early Alakul antiquities, Srubnaya culture component.